

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

К.П. Тиле

**Ступени развития религии:
низшие естественные религии**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1904. № 1. С. 3-23.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

П Р 19581

~~~~~  
Печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 1 января 1904 года.

Э.-орд. профессоръ С.-Петербургской духовной академіи *Петръ Смирновъ*.  
~~~~~

СТУПЕНИ РАЗВИТІЯ РЕЛИГІИ

НИЗШІЯ ЕСТЕСТВЕННЫЯ РЕЛИГІИ.

Изъ лекцій проф. К. П. Тиле.

ТЕПЕРЬ я долженъ попытаться очертить вамъ фазы развитія религіи, послѣдовательно смѣняющія другъ друга. Нашимъ исходнымъ пунктомъ при этомъ является та морфологическая классификація религіи, опыты которой даны приверженцами сравнительнаго ихъ изученія. Игнорировать эту классификацію нельзя, хотя мы и можемъ признать за ней только относительное значеніе. Такая классификація сопряжена съ большими затрудненіями. Что она вообще была неудачна, что, на примѣръ, классификаціи въ родѣ гегелевской стали теперь совсѣмъ непригодны, въ этомъ виноваты не сами мыслители, дарованіе и ученость которыхъ заслуживаютъ нашего удивленія, а объясняется тѣмъ фактомъ, что данныя, находившіяся въ ихъ распоряженіи, были еще слишкомъ недостаточны. Даже и теперь, послѣ того какъ рядъ новыхъ открытій въ исторической и археологической области, съ такою быстротою слѣдовавшихъ и смѣнявшихъ другъ друга въ эти послѣднія десятилѣтія, такъ сильно расширилъ наши знанія, теперь, когда разныя важныя религіи древности, о которыхъ прежде ничего не знали кромѣ того, что случайно сообщалось у классическихъ писателей, сдѣлались намъ хорошо извѣстны изъ богатой литературы самихъ восточныхъ народовъ, изъ Веды и Авесты, изъ клинообразныхъ текстовъ и іероглифовъ, даже и теперь трудно остерегаться отъ произвольныхъ и фантастическихъ заключеній. Именно это-то увеличе-

ніе нашихъ знаній и дать намъ возможность ясно видѣть, какъ много остается еще пробѣловъ, и какъ часто мы должны довольствоваться одними только именами и явленіями, не имѣя никакихъ указаній на ихъ первоначальный смыслъ и значеніе. Всѣ классификаціи религій, такимъ образомъ, только провізіональны. Ихъ границы не могутъ быть рѣзко обозначены. Въ одной религій оказывается особенно развитымъ ученіе, между тѣмъ какъ богослужебный культъ остается позади, въ другихъ можно наблюдать обратное. Нѣкоторыя религій принадлежатъ, въ послѣдовательныхъ періодахъ своего существованія, къ самымъ различнымъ категоріямъ развитія, и такія религій, конечно, должны быть поставлены въ одинъ рядъ съ тѣми, уровни которыхъ онѣ достигли въ пору своего полного расцвѣта. Но нужно не забывать, что высокоцивилизованныя религій передовыхъ націй въ начальныя періоды были не менѣе грубы и примитивны, чѣмъ и тѣ культы варваровъ, которые эти націи презирали какъ суевѣрія. Какая громадная разница между цолуанимистическимъ Зевсомъ Додоны и Аркадіи и гомеровскимъ, отъ нахмуренныхъ бровей котораго тренетать Олимпъ, и который вызывалъ помѣряться съ собою всѣ силы неба и земли, чтобы показать имъ, что онъ сильнѣе, чѣмъ всѣ онѣ взятыя вмѣстѣ! Какая разница между Герой Аргосской, которая была немногимъ болѣе чѣмъ фетишъ, и той полною величія богиней, которая оказалась достойной стать супругой величайшаго изъ боговъ, быть съ нимъ соединенной въ цѣломудренномъ, хотя и не всегда мирномъ бракѣ! Какая бездна между грубой мужицкой религіей древнихъ римлянъ и почитаніемъ Юпитера Капитолійскаго, къ храму котораго благородный Сиционъ Африканскій поднимался каждое утро, чтобы приготовиться къ своимъ дневнымъ трудамъ, и который долгое время видѣлъ у своихъ ногъ весь цивилизованный міръ! И съ другой стороны, сколько есть религій, которыхъ исторія скрыта отъ насъ, которыя мы знаемъ только въ періодъ ихъ упадка и потому причисляемъ къ разряду наименѣе развитыхъ, между тѣмъ какъ онѣ, можетъ быть, занимали нѣкогда гораздо болѣе высокій уровень?

Мы должны поэтому быть умѣренны и осторожны въ нашей классификаціи и избѣгать слишкомъ строгой систематизаціи. Тѣмъ не менѣе не невозможно открыть извѣстные типы, которые указываютъ на различныя степени развитія. Внимательный наблюдатель сразу замѣтитъ два совершенно различ-

ные главные типа, на которые мною указано было въ прошломъ чтеніи. Я разумѣю религіи, которыя Whitney противопоставляетъ другъ другу какъ религіи безсознательно выростающія и религіи получающія начало отъ индивидуальныхъ основателей, каковыя по существу не отличаются отъ тѣхъ, которыя извѣстный нѣмецкій философъ Ed. von Hartmann называетъ натуралистическими и супранатуралистическими, и которыя я предпочитаю опредѣлять какъ естественныя религіи и этическія ¹⁾. Хотя профессоръ Edward Caird, въ своихъ замѣчательныхъ гифордскихъ лекціяхъ, читанныхъ въ Сень-Андрюзскомъ университетѣ, избралъ болѣе обстрактныя философскіе термины «объективный» и «субъективный», однако онъ указываетъ тѣ же самыя двѣ главныя категоріи. Онъ прибавляетъ, впрочемъ, еще третью ступень развитія, въ которой объективное и субъективное смѣшано, и единственнымъ представителемъ которой онъ дѣлаетъ христіанство. Но если я понимаю его правильно, мысль, которая была названа слишкомъ хорошей, чтобы быть вѣрной,—понятіе именно о Богѣ, какъ Существо, которое является одновременно и источникомъ, и поддерживающей силой, и цѣлю нашей духовной жизни, какъ о Томъ, «въ которомъ мы живемъ и движемся и существуемъ», который пребываетъ въ океанѣ, солнцѣ, воздухѣ, равно какъ и въ душѣ человѣка—составляетъ дѣйствительно основу христіанства, но только теперь начинаетъ реализоваться въ этой религіи, какъ единственно только возможная религія для современнаго міра. Это одно изъ тѣхъ глубокихъ наблюденій, столь поучительныхъ, столь плодотворныхъ для будущаго изслѣдованія, которыми изобилуетъ его книга. Въ настоящее время мы не можемъ остановиться на этомъ вопросѣ подробнѣе, но должны будемъ сдѣлать это впоследствии. Тогда мы увидимъ, есть ли какое-нибудь основаніе, въ виду этой идеи, прибавлять еще третій типъ къ тѣмъ двумъ главнымъ типамъ, на которые раздѣляются всѣ историческія и существующія теперь религіи,—типъ, который потенциально, но только скрытно существуя въ христіанствѣ, составляетъ зародышъ религіи будущаго. Теперь же достаточно отмѣтить, что и проф. Caird, высказывая эту мысль, не оспариваетъ серьезно указанной классификаціи историческихъ и еще существующихъ религіи на два главные типа. Равнымъ обра-

¹⁾ Encyclopaedia Britannica, art. „Religions“.

зомъ, мы не чувствуемъ нужды отказываться отъ нашей классификаціи въ пользу предложенной профессоромъ Siebeck'омъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ его «Lehrbuch der Religionsphilosophie». Онъ пытается отличить нѣсколько религій, причисляемыхъ нами къ естественнымъ религіямъ, и даже одну, которая несомнѣнно принадлежитъ къ категоріи религій, основанныхъ путемъ реформы, или этическихъ религій, отъ обоихъ главныхъ типовъ и называетъ ихъ «религіями моральными». Но онъ самъ же дѣлаетъ разныя оговорки: Божество въ этомъ классѣ религій остается на службѣ міру; монотеизмъ находится въ переходномъ состояніи, потому что фантазіи еще дается слишкомъ много свободы; миѳическое еще преобладаетъ надъ этическимъ, и миѳическое развитіе злыхъ духовъ ослабляетъ достоинство и силу добрыхъ. Однимъ словомъ, какъ онъ самъ описываетъ эти религіи, онѣ суть именно тѣ самыя полуэтическія естественныя религіи, каковыя въ нихъ видимъ мы, и онъ признаетъ, что весь этотъ классъ представляетъ только переходную ступень (Uebergangsgebilde). Кроме того, его классификація тѣсно связана съ его пониманіемъ религій какъ «міроотрицанія» (Weltverneinung), которое въ дѣйствительности примѣнимо только къ извѣстному роду религій, и съ которымъ въ общемъ я не могу согласиться.

Одинъ изъ самыхъ достовѣрныхъ фактовъ, установленныхъ историческимъ изслѣдованіемъ; заключается въ томъ, что во всей исторіи развитія религіи нигдѣ нѣтъ столь замѣтной пропасти, столь рѣзкаго разграниченія, какъ между тѣмъ, что мы называли естественными и этическими религіями. Что касается послѣднихъ, то мы сразу чувствуемъ, что здѣсь начинается нѣчто новое, что всецѣло новый порядокъ вещей замѣняетъ здѣсь старый. Вездѣ, гдѣ какая-нибудь естественная или этическая религія (какъ мы будемъ продолжать пока называть ихъ) переходитъ въ другую подобнаго же рода религію, переходъ обыкновенно бываетъ постепенный, иногда едва ощутительный, и становится замѣтенъ только въ позднѣйшемъ развитіи: во всякомъ случаѣ онъ не есть результатъ насильственной перемѣны. Между тѣмъ замѣна естественныхъ религій этическими обычно является результатомъ переворота или по меньшей мѣрѣ памѣренной реформы. Несомнѣнно, однако, что послѣднія развились изъ первыхъ. Онѣ давно уже, въ эмбрионическомъ состояніи, дремали въ лонѣ естественныхъ религій, гдѣ мало по малу и созрѣвали, пока не увидѣли свѣтъ, но рожденіе

ихъ совершается какъ нѣчто неожиданное, какъ катастрофа. И какъ скоро онѣ вступаютъ въ жизнь, онѣ занимаютъ оппозиціонное положеніе по отношенію къ господствующей религіи. Порой онѣ пытаются скрыть это и отъ себя самихъ и отъ другихъ, и искренно думаютъ, что онѣ только возстановляютъ древнюю вѣру или возобновляютъ истину, которая нѣкогда сознавалась, но была превратно понята и забыта. Отчасти это можетъ быть и такъ, но отчасти онѣ представляютъ собою нѣчто новое и неслыханное. И господствующая религія не обманывается. Она чувствуетъ, что ея жизнь ставится на карту, что дѣло идетъ о борьбѣ за существованіе, что если новая религія возьметъ верхъ, она должна будетъ оставить поле битвы, и потому упорно борется съ своей соперницей, преслѣдуетъ ея приверженцевъ и старается насильственными мѣрами, съ помощью правительства или простаго народа, или обоихъ вмѣстѣ, задушить ее въ самомъ зародышѣ. Наоборотъ, если ей это не удастся, и этическая религія побѣждаетъ, въ свою очередь эта послѣдняя становится преслѣдовательницею; она ревностнымъ окомъ наблюдаетъ, чтобы какъ-нибудь не ожило вновь почитаніе силъ природы, которыя въ ея глазахъ сдѣлались злыми демонами; и если она не можетъ его уничтожить безъ потери власти надъ народомъ или безъ уменьшенія своего вліянія, она пытается преобразовать силы тьмы въ ангеловъ свѣта. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда новыя тенденціи обнаруживаются въ лошѣ этическихъ религій, часто происходитъ та же самая борьба, тѣ же самыя кровавыя преслѣдованія, но это является только дальнѣйшимъ слѣдствіемъ первой борьбы, потому что дѣйствительное столкновеніе всегда происходитъ между этическими и натуралистическими принципами. Историческихъ примѣровъ сколько угодно. Позвольте мнѣ только напомнить вамъ, какъ заратустры пророки жаловались на преслѣдованія со стороны почитателей Дэвъ, а потомъ, когда одержали побѣду, сами старались истребить ихъ; какъ Мозазмъ боролся противъ боговъ Ханаана; какъ Тотъ, который пришелъ съ благовѣстіемъ мира, ясно однако сознавалъ, что Онъ принесъ не миръ, а мечъ.

Итакъ, большинство изслѣдователей соглашается—различія между ними болѣе кажущіяся, чѣмъ дѣйствительныя—въ признаніи двухъ главныхъ указанныхъ формъ религіознаго развитія, какъ мы можемъ судить по тѣмъ различнымъ названіямъ..

которыя они даютъ имъ; но когда возникаетъ вопросъ о характеристикахъ этихъ формъ, ихъ мнѣнія сильно расходятся. Что касается первой формы, то они еще довольно согласны. Говоримъ ли мы о религіяхъ, какъ о «безсознательномъ ростѣ поколѣній», или какъ о натуралистическихъ или естественныхъ религіяхъ, дѣло сходится къ одному и тому же. Но въ опредѣленіи второй формы религій авторитеты значительно расходятся, хотя и не такъ, можетъ быть, серьезно, какъ это кажется. Von Hartmann называетъ ихъ супранатуралистическими, въ простую противоположность натуралистическимъ, и довольно удачно, поскольку на этой ступени боги дѣйствительно возвышаются надъ природой. Но этотъ терминъ издавна употребляется богословами въ нѣсколько иномъ смыслѣ, и потому представляется неудовлетворительнымъ, такъ какъ можетъ повести къ превратному пониманію. Кромѣ того, по моему мнѣнію онъ не примѣнимъ ко всѣмъ высшимъ религіямъ, какъ напр. къ пантеистическимъ и акосмическимъ системамъ Индіи. Точно также и терминъ «субъективный», въ противоположность «объективный», кажется мнѣ недостаточно яснымъ и опредѣленнымъ, и притомъ имѣетъ слишкомъ абстрактно философскій характеръ. Siebeck называетъ выснія религій «религіями искупленія». Но въ болѣе тѣсномъ смыслѣ это названіе примѣнимо только къ индійскимъ религіямъ и къ христіанству, какъ оно раскрыто особенно ап. Павломъ. Кромѣ того, существуетъ безконечная разница между браминскимъ и буддійскимъ *moksha*, съ его различными синонимами, который полагаетъ конецъ «вѣчно смѣняющемуся потоку возрожденія», и Павловымъ *apolytrosis*, которое обозначаетъ искупленіе отъ грѣха. Съ другой стороны, если мы возьмемъ слово искупленіе, въ его общемъ смыслѣ «освобожденія отъ узъ и бѣдствій конечнаго, какъ въ физическомъ, такъ равнымъ образомъ въ интеллектуальномъ и этическомъ отношеніи», то такая цѣль свойственна не одному только какому-нибудь классу или типу религій, но обща всѣмъ религіямъ. Такимъ образомъ, указанное слово выражаетъ или слишкомъ мало, или слишкомъ много.

Я уже издавна привыкъ называть второй типъ религій именемъ этическихъ, и послѣ того какъ я неоднократно провѣрилъ этотъ терминъ на фактахъ и всесторонне обсудилъ его, я думаю остаться при немъ. Мы не можемъ выразить всего, что отличаетъ одну группу явленій или одну ступень

развитія отъ другихъ, однимъ словомъ. Если бы мы попытались сдѣлать это, то должны бы были употребить нѣсколько длинноватый и тяжеловатый перифразъ. Такъ разсматриваемыя религіи часто характеризуются спиритуализмомъ, доведеннымъ до односторонности, такъ что онѣ могутъ съ достаточнымъ правомъ называться спиритуалистическими. Еще съ большимъ правомъ онѣ могли бы называться религіями откровенія, потому что, хотя и боги природы открываются различными путями и даютъ знать свою волю словомъ и внѣшнимъ знакомъ, данная идея (откровенія) достигаетъ полной ясности и зрѣлости только въ этическихъ религіяхъ, такъ какъ только въ нихъ впервые апеллируется къ специальному откровенію, которое разъ навсегда дано Божествомъ, сообщено человѣку божественнымъ посланникомъ, запечатлѣно въ священныхъ письменахъ, и такимъ образомъ сдѣлалось основаніемъ, на которомъ покоится вся религія. Спиритуалистическо-этическія религіи откровенія—было бы, такимъ образомъ, полнымъ названіемъ для этой категоріи. Но ихъ главнымъ и наиболѣе характеристическимъ элементомъ всегда остается этическій. Всѣ онѣ возникли изъ этическаго пробужденія. Болѣе или менѣе возвышенный этическій идеаль составляетъ ту цѣль, которую всѣ онѣ имѣютъ въ виду,—идеаль, который далекъ отъ существующаго міра, но долженъ быть достигнутъ въ отдаленномъ будущемъ, на землѣ ли, или на небѣ у Бога, какъ онъ пѣкогда сталъ плотью и жилъ въ Томъ, кто открылъ его человѣку. И моральные законы стоятъ теперь уже не просто только бокъ о бокъ съ религіей, какъ будто бы и безъ нихъ человѣкъ могъ быть совершенно такъ же религіозенъ, а связаны съ нею неразрывно: они суть законы самого Бога, новиновеніе которымъ Онъ награждаетъ и нарушеніе которыхъ наказываетъ, и пренебреженіе которыхъ, съ высшей точки зрѣнія, является разрывомъ общенія съ Нимъ, поскольку они налагаются Имъ не произвольно, а вытекаютъ изъ самой Его природы. Или, выражая то же самое въ болѣе абстрактно-философской формѣ, субъективный нравственный идеаль здѣсь объективируется въ понятіи о Богѣ или проіицируется въ это понятіе. Итакъ, мы будемъ называть этотъ типъ религіи этическими, такъ какъ этотъ терминъ лучше всего выражаетъ ихъ главную особенность.

Опредѣливъ, такимъ образомъ, двѣ главныя категоріи, къ той или другой изъ коихъ принадлежатъ всѣ историческія и

ныи существующія религіи, мы должны теперь заняться вопросомъ о томъ, какъ можетъ быть подраздѣлена далѣе каждая изъ этихъ категорій. Едвали нужно говорить, что между естественными религіями, равно какъ и между этическими, въ степени ихъ развитія, всегда существуютъ различія, и иногда даже большія. Религіи негровъ и краснокожихъ точно такія же естественныя религіи, какъ и вавилонская, ведійская и греческая; однако, какое неизмѣримое разстояніе между первыми и послѣдними! То же самое, хотя и въ меньшей мѣрѣ, можно сказать объ этическихъ религіяхъ. Полное описаніе всѣхъ этихъ разностей было бы здѣсь не у мѣста, и, при настоящемъ состояніи нашихъ знаній, можетъ быть, было бы слишкомъ поспѣшно и смѣло. Поэтому мы ограничимся только главными примѣрами.

Низшія естественныя религіи, которыя мы знаемъ, соотвѣтствуютъ потребностямъ дѣтства человѣчества, какъ этотъ періодъ представляется намъ по новѣйшимъ антропологическимъ изслѣдованіямъ. Если мы называемъ ихъ анимистическими, пользуясь обычнымъ терминомъ, то не потому, что мы рассматриваемъ анимизмъ какъ религію, но единственно по той причинѣ, что и въ религіи, какъ и во всей жизни первобытнаго человѣка, господствуетъ анимизмъ. Анимизмъ—и я не могу говорить о немъ, не упомянувъ имени автора, который первый пролилъ ясный свѣтъ на этотъ предметъ, разумью Dr. E. B. Tylor'a, профессора Оксфордскаго университета,—анимизмъ дѣйствительно представляетъ родъ дѣтской философіи, которая старается объяснить всѣ явленія, происходящія въ самомъ человѣкѣ и вокругъ него. Профессоръ Siebeck описываетъ его правильно, хотя нѣсколько абстрактно, какъ примитивное миопцизированіе, проницающее изъ примитивнаго употребленія разсудка, который всюду въ природѣ пытается открыть практически полезныя причинныя отношенія; и онъ справедливо усматриваетъ въ немъ не единственный источникъ элементарнѣйшихъ религіозныхъ представленій, полагая, что образованію ихъ содѣйствовали также и извѣстныя движенія чувства, вызванныя наблюденіемъ явленій природы. Въ менѣе философской, но болѣе понятной формѣ, я могъ бы описать анимизмъ какъ вѣру, что все, что живетъ, равно какъ и то, на что первобытный человѣкъ смотритъ какъ на живое, поскольку оно движется, или поскольку онъ думаетъ, что изъ него исходитъ извѣстная сила, есть одушевлено мыслящій, чувствующій и

имѣющій волю духъ, который отличается отъ человѣческаго только по степени и силѣ. Такой духъ или душу, такую *анѣма* онъ приписываетъ естественно только тѣмъ предметамъ, которые производятъ на него впечатлѣніе—хищному звѣрю, котораго онъ боится, по силѣ и быстротѣ котораго онъ удивляется, потому что онъ превосходить его собственныя: домашнему животному, которое служитъ ему; дереву, плоды котораго его подкрѣпляютъ, тѣнь котораго его освѣжаетъ и въ шорохѣ листвы котораго онъ слышитъ голосъ духовъ; шумящему потоку, и неизмѣримому, рокочущему, грозному океану; высокой горѣ, которая задерживаетъ благодѣтельныя дождевыя облака, и тайны которой наполняютъ его страхомъ; свѣтиламъ и всѣмъ небеснымъ явленіямъ, преимущественно тѣмъ, которыя движутся, особенно лунѣ—этой великой волшебницѣ, постоянно мѣняющей свою форму; болѣе всего, можетъ быть, явленію грозы, когда вихрь вѣтра сметаетъ и разрушаетъ все попадающееся ему на пути, когда звукъ грома приводитъ его въ ужасъ и сверкающая молнія грозитъ убить его; и наконецъ, даже падающему камню, листку, колеблемому вѣтромъ, однимъ словомъ, всему, что кажется ему страннымъ и удивительнымъ, и что онъ ставитъ въ связь съ какимъ-нибудь случаемъ въ своей собственной жизни, особенно съ какой-нибудь опасностью или несчастіемъ, которое угрожаетъ или постигаетъ его. Будетъ ли онъ почитать ихъ, станетъ ли въ какія-нибудь отношенія къ нимъ, въ родѣ, на примѣръ, отношенія слуги къ господину, подданнаго къ королю? Это зависитъ отъ обстоятельствъ. Только въ томъ случаѣ онъ сдѣлаетъ это,—ибо первобытный человѣкъ столь же эгоистиченъ, какъ и невоспитанный ребенокъ,—когда онъ имѣетъ какой-нибудь интересъ такъ сдѣлать, когда именно онъ убѣжденъ, что эти предметы сильнѣе его, и что онъ можетъ чего-нибудь надѣяться или опасаться отъ нихъ. Якорь прибило волнами къ африканскому берегу. Подобной вещи здѣсь еще никогда раньше не видали. Туземцы приближаются къ нему осторожно; но такъ какъ онъ лежитъ спокойно и не вредитъ никому, то они измѣняютъ свое мнѣніе и уходятъ прочь. Но вотъ одинъ вольнодумецъ краалля замѣтилъ, что онъ сдѣланъ изъ желѣза, и такъ какъ ему какъ разъ нуженъ кусокъ желѣза, то онъ отваживается отломить лапу отъ этого якоря. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ занятъ его расковкой, съ нимъ случается несчастіе, и онъ умираетъ. Теперь дѣло ясно. Въ незнакомомъ предметѣ обитаетъ духъ, который

отомстить за нанесенное ему оскорбленіе, и съ этихъ поръ его начинаютъ умилостивлять дарами и жертвами. Точно также у одного сибирскаго племени сталъ почитаться демономъ осы верблюдъ, потомучто какъ разъ въ то время, когда это животное появилось у нихъ въ первый разъ съ проѣзжающимъ караваномъ, разразилась оспа. Да и само это животное не имѣло ли двухъ огромныхъ осиннхъ на спинѣ? Подобнымъ же образомъ лошадь, ввезенная въ Америку европейцами, сдѣлалась для мексиканцевъ образомъ бога грома, такъ какъ они приписали ей смертельное дѣйствіе огнестрѣльнаго оружія испанскихъ всадниковъ. Число такихъ примѣровъ можно было бы увеличить до безконечности.

Все это, однако, не говоритъ и даже сколько нибудь не внушаетъ мысли о томъ, что религія возникла изъ анимизма. Близорукіе философы и богословы, которыхъ усердіе равняется только ихъ невѣжеству, приписали мнѣ взглядъ, будто религія началась съ обожанія какого-нибудь случайнаго чурбана или камня. Мы убѣждены, напротивъ, что дѣло никогда не начиналось съ почитанія чурбана или камня, или какого-нибудь другаго видимаго предмета, но неизмѣнно съ почитанія духа или существа, воплощеніемъ котораго признавался этотъ предметъ. Это особенно подтверждается тѣмъ фактомъ, что когда молитва почитателей остается безъ отвѣта, или жертвы ихъ оказываются напрасными, когда ихъ несчастія продолжаются, и предполагаемые духи-охранители оказываются такимъ образомъ безсильными, идолъ подвергается наказанію и бросается прочь. Идолятрія, обожаніе и почитаніе самихъ предметовъ, а не духа, который, какъ предполагается, обитаетъ въ нихъ, никогда не является первоначальной формой религіи; невѣжественная толпа можетъ, естественно, смѣшивать эти двѣ вещи, но это всегда есть заблужденіе, результатъ вырожденія. Вопросъ о происхожденіи религіи не историческаго или археологическаго свойства, а чисто психологическій, и совершенно отличенъ отъ вопроса о древнѣйшей формѣ религіи. Если мы называемъ эту форму анимистическою, то этимъ отнюдь не предполагаемъ, что религія произошла изъ анимизма, а указываемъ лишь на то, что въ ея первыхъ проявленіяхъ господствуетъ анимизмъ, поскольку послѣдній является естественной формой мышленія для первобытнаго человѣка.

Отъ анимизма, какъ общей формы мышленія, которой опредѣляются всѣ низшія естественныя религіи, я отличаю, въ

качествѣ спеціальнаго проявленія, особую форму, къ которой этотъ терминъ примѣняется порой исключительно, по которую я предпочитаю ради ясности называть спиритизмомъ, именно вѣру, что духи не связаны какимъ-нибудь опредѣленнымъ тѣломъ, но могутъ по желанію покидать его, странствовать по землѣ и въ воздухѣ «по своему ли собственному побужденію или подѣ дѣйствіемъ магическихъ заклинаній и, слѣдовательно, по принужденію», могутъ являться живущимъ въ эфирно-матеріальномъ видѣ, и иногда выбираютъ себѣ жилище, на время или навсегда, въ какомъ-нибудь живомъ или бездушномъ предметѣ, отличномъ отъ того, который они оставили. Этотъ спиритизмъ является болѣе высшей формой развитія сравнительно съ анимизмомъ. Онъ есть ничто иное, какъ соответствующее примитивному мышленію, которое не въ состояніи еще различить между субъективнымъ и объективнымъ, примѣненіе личнаго опыта къ существующей вѣрѣ, что все имѣетъ свою причину въ волѣ обитающаго духа, который обладаетъ точно такимъ же самосознаніемъ, какъ и человѣческій духъ,—къ вѣрѣ, которая, въ отличіе отъ болѣе развитаго спиритизма, можетъ быть названа полизонизмомъ. Въ своихъ снахъ, въ экстатическихъ состояніяхъ, иногда вызванныхъ употребленіемъ наркотическихъ средствъ, равно какъ въ видѣніяхъ, случившихся въ бодрственномъ состояніи, хотя каждый видитъ, что тѣло остается на томъ же самомъ мѣстѣ, воинъ выступилъ въ походъ, охотникъ нашелъ богатую добычу въ удачныхъ охотничьихъ поляхъ, чародѣй или кудесникъ поднялся на небо или спустился въ глубины земли. Или наоборотъ, его умершіе родственники, герои стараго времени, высшіе духи явились и говорили съ нимъ, увѣщевали, наказывали, утѣшали, ободряли его. Можетъ ли онъ сомнѣваться, что все это не случилось въ дѣйствительности? Между фантазіей и дѣйствительностью первобытный человѣкъ не знаетъ никакого различія. Онъ можетъ объяснить эти явленія только предположеніемъ, что временами духъ покидаетъ тѣло и живетъ независимой жизнью. Состоянія безсознательности и мнимой смерти угрѣпляютъ его вѣру. Очевидно, что въ этотъ моментъ душа покидаетъ тѣло, чтобы вскорѣ, однако, возвратиться опять на свое мѣсто. Поэтому, когда и дѣйствительно наступила смерть, онъ также призываетъ,—какъ это положительно преднисываетъ китайскій ритуаль при смерти императора—улетѣвшую душу скорѣе возвратиться назадъ. Онъ думаетъ, что это всегда возможно, по-

чему и снабжаетъ могилы своихъ умершихъ всѣмъ, что для нихъ можетъ оказаться нужнымъ и удобнымъ. Если онъ замѣчаетъ, что душа тѣмъ не менѣе продолжаетъ отсутствовать, то заключаетъ, что духъ умершаго вступилъ въ высшій разрядъ существъ, и начинаетъ воздавать ему соотвѣтствующее религіозное поклоненіе, можетъ быть менѣе прилежное, но болѣе глубокое, чѣмъ онъ оказываетъ высшимъ духамъ.

Я назвалъ спиритизмъ высшей формой развитія анимизма, въ отношеніи къ которому полизоизмъ, или то, что въ философіи называютъ плизозизмомъ, является низшей ступенью. И дѣйствительно, образованіе такихъ представленій, какъ бы фантастическими они намъ ни казались и какъ фантастичны они ни являются обычно на самомъ дѣлѣ, требуетъ болѣе развитыхъ умственныхъ способностей, чѣмъ тѣ, которыя мы можемъ приписать самымъ примитивнымъ племенамъ. Оно предполагаетъ во всякомъ случаѣ пробудившееся уже сознание превосходства души надъ тѣломъ и ея относительной независимости. Въ этой формѣ анимизмъ во всякомъ случаѣ былъ шагомъ впередъ и, насколько и какъ могъ, открылъ нашимъ нецивилизованнымъ предкамъ частицу истины. Будучи примененъ къ ихъ религіознымъ представленіямъ и дѣйствіямъ, спиритизмъ и въ этой области способствовалъ прогрессу. Благодаря именно спиритизму, тѣ силы, которыя признавались дѣйствующими въ явленіяхъ природы, въ человѣкѣ и животномъ, силы, которыя считались обитающими въ другихъ предметахъ, и которыя почитались какъ живыя существа, были отдѣлены отъ связи съ опредѣленными явленіями и такимъ образомъ стали выше ихъ и получили большую самостоятельность. Спиритизмъ пробудилъ сознаніе, что въ почитаемыхъ существахъ ихъ духъ составляетъ сущность, постоянный элементъ, остающійся во всѣхъ ихъ измѣненіяхъ, и такимъ образомъ проложилъ путь къ тому религіозному спиритуализму, который достигаетъ своей высшей точки въ прекрасномъ изреченіи: «Богъ есть духъ, и кто поклоняется Ему, долженъ поклоняться въ духѣ и истинѣ». Такимъ образомъ, хотя и въ дѣтской и наивной формѣ, онъ возвѣстилъ великую истину.

Такой взглядъ на спиритизмъ даетъ ключъ къ объясненію явленія, которое составляетъ его обратную сторону и которое названо было фетишизмомъ. Происхожденіе этого слова хорошо извѣстно. Когда португальцы впервые познакомились съ неграми, они увидали, что послѣдніе носятъ при себѣ извѣст-

ные предметы, ставят их или вѣшаютъ въ священнѣхъ мѣстахъ, или собираютъ въ большихъ хижинахъ; при этомъ они открыли, что туземцы приписывали этимъ предметамъ особенную магическую силу и надѣялись чрезъ ихъ посредство получить всякаго рода успѣхи, защиту отъ опасностей, а главнымъ образомъ приобрѣсти самую эту магическую силу. Поэтому они назвали эти предметы *feitico*, словомъ, происходящимъ отъ средневѣковаго латинскаго *factitius* «одаренный магической силой». Въ этой формѣ данный обычай является чисто негритянскимъ, и очень мало распространенъ среди другихъ африканскихъ народовъ. У южныхъ племенъ онъ едва ли совсѣмъ встрѣчается. Но терминъ фетишизмъ былъ перенесенъ съ этой негритянской формы и на нѣкоторые другія болѣе или менѣе родственныя понятія и обычаи, какъ напр. полинезійскій *Taboo*, американскій тотемизмъ, употребленіе амулетовъ, почитаніе изображеній и останковъ святыхъ, словомъ, на идолопоклонство вообще, которому, однако, онъ далъ начало только отчасти. Въ прошломъ столѣтіи de Brosses написалъ книгу подъ названіемъ: «Du culte des Dieux fétiches», которая имѣла большой успѣхъ, хотя его система страдаетъ внутреннимъ противорѣчіемъ (*contradictio in terminis*), потомучто особенность фетиша состоитъ въ томъ именно, что самъ онъ не есть духъ, тѣмъ менѣе богъ, но что онъ есть только временное или случайное воплощеніе духа. Профессоръ Fritz Schultze пытался дать самое широкое значеніе понятію фетишизма, включая въ него всю міоологию природы и даже рассматривая какъ фетиши всѣ явленія неба—солнце, луну, звѣзды, облака, даже горы, озера и рѣки, однимъ словомъ все, что первобытный человѣкъ дѣлалъ предметомъ почитанія. И въ то время, какъ нѣкоторые ученые считаютъ фетишизмъ древнѣйшей формой религіи, другіе видятъ въ немъ ничто иное, какъ печальный результатъ вырожденія и помраченія человѣческаго ума.

Можно бы почти пожелать, чтобы терминъ, дававшій поводъ къ такой спутанности понятій, былъ навсегда изгнанъ изъ нашей науки. Съ своей стороны, постараемся по крайней мѣрѣ держаться его въ свойственныхъ ему границахъ. Я называю фетишизмъ обратной стороной спиритизма. Подъ этимъ я разумѣю слѣдующее. Если духи могутъ выбирать по желанію всякаго рода предметы для своего обитанія, то отсюда слѣдуетъ, что къ предметамъ, которые ими,—какъ предпола-

гается,—выбраны, которые одушевлены ими и надѣлены ихъ силой. не только нужно относиться съ почтеніемъ, а нужно и заботливо охранять ихъ, защищать, и если возможно, даже носить при себѣ, чтобы носящій могъ быть увѣренъ въ ихъ покровительствѣ вездѣ, гдѣ бы ему ни случилось быть. Потребность человѣка чувствовать себя близъ своего бога и своего бога близъ себя составляетъ общую принадлежность всѣхъ живыхъ религій. Но первобытный человѣкъ желаетъ имѣть осязаемое доказательство для этого. Въ его фетишизмѣ, тотемизмѣ или другой сродной системѣ открывается, слѣдовательно, соотвѣтственно степени его развитія, потребность религіозной души, которая заслуживаетъ нашего уваженія. Что этотъ обычай можетъ сопровождаться злоупотребленіемъ, какъ и все, разумѣется,—даже самыя святыя вещи,—можетъ подвергаться злоупотребленію, что онъ часто вырождается въ дѣтское, пелѣное и даже отвратительное суевѣріе, этого нельзя, конечно, отрицать, и всякій, кто знаетъ людей, будетъ даже ожидать. Но самъ по себѣ и по первоначалу онъ отнюдь не есть явленіе вырожденія, а представляетъ необходимую переходную фазу въ ростѣ религіи. Если, съ одной стороны, онъ привелъ къ самому грубому идолопоклонству, то съ другой стороны, изъ него съ помощію поэзіи и изящныхъ искусствъ выросъ тотъ богатый символизмъ, который составляетъ одинъ изъ важныхъ элементовъ въ языкѣ религіи, и который даже не ограничивается одной этой сферой. На вангъ Уніонъ-Джэксъ и нашъ трехцвѣтный флагъ негры смотрятъ какъ на священные фетиши. Таковы они и есть въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова. Они служатъ эмблемами нашей національности и независимости, въ отдаленныхъ страхахъ они являются видимымъ напоминаніемъ нашей отчизны, и мы готовы до смерти защищать ихъ. Однимъ словомъ, такъ называемый фетишизмъ представляетъ обратную сторону и, такъ какъ мы еще не духи, а чувственныя существа, необходимый коррективъ спиритизма; но именно въ виду того, что онъ вызванъ былъ къ жизни спиритизмомъ, который самъ обнаруживаетъ значительный прогрессъ въ развитіи, онъ точно такъ же, какъ и спиритизмъ, не могъ быть раннѣйшей формой религіи.

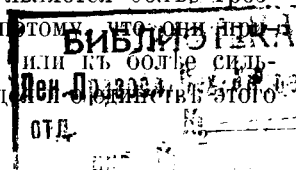
Если я долженъ теперь попытаться охарактеризовать низшія естественныя религіи, то могу говорить только о второмъ изъ названныхъ классовъ, потому что первый принадлежитъ къ доисторическому состоянію, которое мы можемъ предполагать

какъ вѣроятное, но не можемъ описывать. Всѣ религіи, открытыя антропологическимъ и историческимъ изслѣдованіемъ, какъ настоящія, такъ и прежде существовавшія, которыя характеризуются господствомъ анимизма, должны быть причислены къ спиритистически-фетишистическимъ. Что касается религій, стоящихъ на низшемъ уровнѣ, пережитки которыхъ еще встрѣчаются спорадически, то онѣ не достаточно изучены, чтобы мы могли говорить о нихъ съ увѣренностью.

Въ данной фазѣ религіознаго развитія религіозныя понятія, или то, что можно еще только съ извѣстной оговоркой называть религіознымъ ученіемъ, остаются въ текущемъ состояніи. Это періодъ образованія мифовъ. Одинъ мифъ замѣняетъ другой; они переходятъ изъ устъ въ уста, но пока еще въ формѣ народныхъ разказовъ и пословицъ, постепенно измѣняются, намѣренно или безсознательно дополняются, и примѣняются то къ одному, то къ другому почитаемому существу. Такъ они передаются, по большей части, какъ фамиліное наслѣдіе отъ поколѣнія поколѣнію, хотя средствъ для опредѣленія этого преданія и сохраненія его въ цѣлости еще не существуетъ. Да въ этомъ не чувствуется пока и никакой нужды. Ни въ одной естественной религіи мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго ученію, котораго нужно было бы держаться какъ откровенной истины; даже въ высшихъ изъ этихъ религій подобныя ученія находятся еще въ зачаточномъ состояніи; всего меньше поэтому ихъ можно ожидать на данной ступени. Мало того, мы напрасно стали бы искать здѣсь даже священнаго преданія съ твердыми очертаніями. Единственнымъ пунктомъ, котораго эти первобытные народы повидимому держатся нѣсколько тверже, является соблюденіе древнихъ обычаевъ, употребляющихся въ семействѣ или племени, но и то безъ особенной аккуратности и точности, безъ старанія предохранить ихъ отъ привнесенія новыхъ или чуждыхъ элементовъ.

Почитаемыя существа не ограничены числомъ, всегда способны умножаться и не имѣютъ ничего похожаго на скольконибудь опредѣленный порядокъ старшинства. Нѣкоторыя изъ нихъ, правда, возвышаются надъ другими, или потому, что представляютъ и защищаютъ болѣе важные интересы своихъ поклонниковъ, или потому, что ихъ сила является болѣе грозной, ихъ область болѣе обширной, или потому, что они имѣютъ надлежать къ болѣе выдающемуся роду или къ болѣе сильному племени. Имѣется даже смутная идея о единствѣ этого

высшаго рода существъ, равно какъ и извѣстное слово для выраженія этой идеи (какъ напр., *Wong* у негровъ, *Wakon* или *Huakan* у американцевъ, *Nim* или *Yim* у урало-алтайцевъ). Но міръ духовъ является еще столь же мало организованъ, какъ и сами первобытные народы. Всѣ духи, даже самые высшіе, суть не болѣе, какъ могущественные только волшебники, могущественные благодаря ихъ волшебнымъ силамъ, иногда благодѣтельные по произволу или капризу, по всегда внушающіе страхъ. Они еще не могутъ быть названы богами, такъ какъ ихъ личность остается еще слишкомъ неопредѣленной. Если же гдѣ-нибудь повидимому это и есть, какъ напр. у финновъ, то въ такихъ случаяхъ можно прослѣдить вліяніе болѣе развитой религіи какой-нибудь сосѣдней націи, въ данномъ случаѣ скандинавовъ, или же религія уже приблизилась къ границамъ высшаго періода развитія, какъ напр. у мексиканцевъ и перуанцевъ.

Такъ какъ почитаемые духи являются еще волшебниками, то и способъ ихъ почитанія имѣетъ магическій характеръ, хотя въ молитвахъ, дарахъ и жертвахъ нѣтъ недостатка. Ихъ волшебной силѣ почитатели ихъ часто пытаются противопоставить другую магическую силу. Они ищутъ помощи и союза однихъ, чтобы одолѣть другихъ. Танцами, музыкой, шумомъ и криками они стараются отвратить отъ себя страшныя силы, и богатыми жертвоприношеніями усилить и умиловить силы покровительствующія. Съ этой цѣлью приносятся человѣческія жертвы богамъ войны. Чѣмъ болѣе они усилить небесное войско, тѣмъ лучше оно можетъ обезнечить побѣду ихъ племени или народу; по тому же самому основанію они приносятъ имъ въ благодарственную жертву военнопленныхъ, равно какъ спажаютъ и какого-нибудь знаменитаго вождя многочисленной свитой женъ и слугъ, чтобы сопровождать его во время путешествія въ міръ духовъ. Объ этихъ кровавыхъ обрядахъ мы не должны судить по мѣркѣ нашихъ нравственныхъ понятій. Они не были внушены жестокостью или кровожадностью, хотя въ позднѣйшія времена и сопровождались злоупотребленіями. Первобытный человѣкъ чувствуетъ страхъ смерти не больше, чѣмъ и ребенокъ. Смерть для него есть лишь простой переходъ въ другое и даже высшее состояніе. Между міромъ духовъ и человѣческимъ существуетъ постоянное общеніе, и границы ихъ остаются неопредѣленными. Это общеніе между ними дѣтское, дружеское и довѣрчивое, напоминающее намъ то, что

мы иногда наблюдаемъ у простыхъ, добрыхъ, пубожныхъ людей и въ наши дни. Духовныя существа болѣе сильны, и потому должны быть почитаемы. Они не мудрѣе, потому что это слово еще слишкомъ высоко, но болѣе свѣдуши, и потому съ ними нужно обращаться осторожно, хотя при случаѣ ихъ почитатели не совѣстятся и проведи ихъ, какъ это сдѣлалъ Нума Помпилій въ извѣстномъ разсказѣ Овидія. Но нравственной высоты, святости, величія здѣсь нѣтъ еще и слѣда. Объ нихъ говорятъ и къ нимъ обращаются какъ къ старѣйшимъ и болѣе опытнымъ друзьямъ, которые обязаны совѣтовать и помогать, разъ они получаютъ все, чего могутъ требовать. Ихъ приглашаютъ къ общему столу, устраиваютъ для нихъ пиршества, отводятъ имъ хорошее мѣсто въ домахъ, и если не получаютъ отъ нихъ ожидаемыхъ благъ, какъ напр. давно желаннаго дожда, то смѣшивая субъектъ и объектъ, представленіе и дѣйствительность, воображаютъ, что достаточно только парадиться такъ, чтобы изобразить могущественнаго духа, и подражать его дѣйствіямъ, и желаемый результатъ будетъ достигнутъ.

Въ виду сказаннаго, естественныя религіи, которыя стоятъ еще на уровнѣ миѳообразованія, могутъ быть лучше всего опредѣлены какъ неорганизованный магическій полидемонизмъ подъ господствомъ анимизма.

Я не хотѣлъ бы кончать этого разсужденія, не коснувшись опять нанослѣдокъ вопроса о томъ, всѣ ли высшія религіи прошли чрезъ эту первоначальную ступень развитія, вопросъ, о которомъ можно имѣть мнѣніе, но на который исторія не даетъ никакого отвѣта. До сихъ поръ антропологи, миѳологи и конечно защитники теоріи развитія по большей части отвѣчали на этотъ вопросъ утвердительно. Они указываютъ на многочисленныя слѣды анимизма, и особенно спиритизма, въ миѳологіи и культѣ всѣхъ высшихъ естественныхъ религій, на понятія и обычаи, которые продолжаютъ еще жить даже въ этическихъ религіяхъ, происшедшихъ отъ естественныхъ, и держатся того мнѣнія, что эти факты могутъ быть объяснены только при томъ предположеніи, что они получили начало въ раннѣйшей фазѣ естественныхъ религій. Однако нѣкоторые повѣншіе авторы оспариваютъ это. Они утверждаютъ, что причину указаннаго явленія нужно искать въ общеніи и смѣшеніи народовъ, вслѣдствіе чего анимистическія представленія и обычаи проникли въ религіи, которыя раньше были совершенно

свободны отъ подобнаго суевѣрія. И прежде всего, когда какой-нибудь отсталый первобытный народъ подпадалъ путемъ завоеванія подъ господство незначительнаго меньшинства, это послѣднее, чтобы усилить свой авторитетъ, принуждено было дѣлать уступки древнимъ магическимъ обрядамъ, столь дорогимъ для ихъ подданныхъ, и допускать такіе обряды въ новой, установленной закономъ, религіи. Все это не невозможно; но признаюсь, мнѣ кажется въ высшей степени невѣроятнымъ. Пережитки магическаго спиритизма слишкомъ широко распространены, чтобы ихъ можно было объяснить поглощеніемъ или ассимиляціей. Если бы было такъ, то мы непременно нашли бы гдѣ-нибудь въ свѣтѣ народъ или племя, которые оказали бы сопротивленіе такимъ вреднымъ вліяніямъ и охранили бы свою религію отъ вторженія всѣхъ чуждыхъ элементовъ. И прежде всего, требовалось бы показать, какимъ образомъ это смѣшеніе воображенія и дѣйствительности, субъекта и объекта, могло стать столь общимъ и найти себѣ пріемъ у тѣхъ народовъ, которые отлично знали различіе между ними, и какимъ образомъ, не въ какомъ-нибудь единичномъ случаѣ или въ силу простого лишь совпаденія обстоятельствъ, но почти повсюду, эти народы усвоили идеи и обычаи, которые должны были казаться имъ дикими и бессмысленными, какъ несогласные съ ихъ системой и совершенно не гармонирующіе съ ихъ духовными потребностями. Поэтому я жду болѣе убѣдительныхъ доказательствъ, прежде чѣмъ отказаться отъ своего мнѣнія, что все человѣчество, какъ и каждый въ отдѣльности человѣкъ, должно было пройти чрезъ періодъ младенчества.

Какъ бы то ни было, остается фактомъ, что въ анимистическихъ естественныхъ религіяхъ существуютъ уже въ зародышѣ всѣ тѣ формы богопочтенія, которыя встрѣчаются позднѣе въ высшихъ естественныхъ религіяхъ какъ постоянныя и неизмѣнныя элементы. Вся мнѳологія политеизма, какъ бы она ни была переработана поэтами въ поэтическіе рассказы (*μῦθοι, fabulae*) и сведена священническими школами къ теологической системѣ, уже заключается въ тѣхъ, повидимому, грубыхъ, но иногда весьма разумныхъ идеяхъ, которыя образовалъ себѣ первобытный человѣкъ относительно силъ природы. Здѣсь, вѣроятно, нужно искать объясненія и въ извѣстномъ смыслѣ оправданія многого изъ того, что является загадочнымъ въ ученіи древности о богахъ, многого, что въ немъ смущало философовъ и моралистовъ, а именно, странныхъ часто атри-

бутовъ нѣкоторыхъ изъ боговъ, ихъ метаморфозъ, ихъ безконечныхъ раздоровъ, браковъ, любовныхъ исторій и интригъ, однимъ словомъ, всего того, что,—трудно предположить,—дѣйствительно приписывалось бы людьми, стоящими на высшей степени цивилизаціи, богамъ, которыхъ они почитали. Дѣйствительно, все это, когда приписывается богамъ, представляется весьма страннымъ. Но какъ первобытное описаніе природы, въ которомъ силы природы представляются какъ желающія и мыслящія существа, но не воплощенные еще въ человѣческую форму, эта система точно соотвѣтствуетъ той степени развитія, которой достигли творцы этихъ мифовъ о природѣ. Я не отрицаю, что и послѣ этого древняго періода могло возникнуть извѣстное количество новыхъ мифовъ, главнымъ образомъ благодаря поэтической фантазіи. Но я полагаю, что такіе случаи являются исключительными, и что дальнѣйшее изслѣдованіе докажетъ, что эти повидимому новыя созданія суть ничто иное, какъ воспроизведенія старыхъ образцовъ, а не представляютъ чего-либо оригинальнаго. Мифическій матеріалъ былъ сотканъ: поэты, мудрецы и священническія школы свободно воспользовались имъ и примѣнили къ своимъ болѣе высокимъ и антропоморфизированнымъ богамъ и къ требованіямъ высшей цивилизаціи; но слѣды его происхожденія не могли быть совершенно затерты. И основная идея всей мифологіи, что причины всего того, что имѣетъ отношеніе къ жизни и благополучію человѣка, должно искать въ дѣятельности обитающихъ въ предметахъ природы силъ, которыя имѣютъ волю, преслѣдуютъ опредѣленную цѣль, не подчинены ограниченіямъ конечнаго міра, вполне свободны въ своихъ движеніяхъ и одарены великой магической силой,—эта основная идея, во всякомъ случаѣ, ведетъ начало отъ древняго періода.

Сказанное относительно ученія примѣнимо въ равной мѣрѣ и къ культу. Здѣсь мы находимъ жертвы, сопровождаемыя молитвами, священными изреченіями и пѣснями, которымъ усваивается магическая сила, и магическіе обряды, которые составляютъ зерно всѣхъ тѣхъ символическихъ и драматическихъ формъ богослуженія, которыя мы встрѣчаемъ въ позднѣйшемъ культѣ. Такъ, здѣсь мы видимъ всегда горящій огонь, возженный и очищенный по древнему обычаю. Здѣсь уже мы встрѣчаемся съ вѣрой, что путемъ самоотреченія, воздержанія, самоистязанія, и особенно употребленіемъ наркотическихъ средствъ, можно достигнуть высшей жизни и высшей силы духовъ, и

что извѣстныя привилегированныя лица имѣють спеціальную способность къ этому. Здѣсь пока еще нѣтъ священства, но мы встрѣчаемъ кудесниковъ, предсказателей, колдуновъ, знахарей, къ которымъ обращаются за помощью въ доступныхъ каждому изъ нихъ сферахъ, и всю іерархію въ примитивной формѣ. Здѣсь, опять, въ формѣ фетишей и уродливыхъ изображеній мы находимъ предшественниковъ позднѣйшихъ идоловъ, видимъ священныя мѣста, особенно посяцаемыя духами, и на самыхъ первыхъ порахъ уже провозглашаемыя недоступными для *„fanum vulgus“*, находимъ даже тайныя общества, члены которыхъ, путемъ великихъ подвиговъ самоиспытанія, посвящаютъ себя тѣснѣйшему общенію съ духами и становятся ихъ особенными любимцами.

Мало того, мы встрѣчаемъ въ этомъ раннѣйшемъ періодѣ не только формы богопочтенія, но и идеи, которыя проникають болѣе развитыя религіи, хотя еще и въ дѣтскихъ, лепечущихъ выраженіяхъ. Божественное всемогущество является еще какъ чудесная сила, не ограниченная никакой человѣческой немощью; божественная святость есть ничто иное какъ недоступность; божественное всеприсутствие—только способность передвиженія съ мѣста на мѣсто во мгновение ока. Божій судъ и клятва, какъ ихъ понялъ спиритизмъ, заключаютъ уже въ себѣ вѣру въ боговъ, какъ защитниковъ истины и правды, а страхъ предъ ихъ наказаніемъ предполагаетъ уже пробудившееся чувство виновности. Представленіе, наконецъ, о томъ, что въ безчисленномъ множествѣ духовъ существуетъ извѣстное единство, представленіе, на которое я уже указала выше, показываетъ слабый разсвѣтъ монотеизма. Даже двѣ основныя мысли всякаго религіознаго ученія: превосходство міра боговъ надъ человѣческимъ и взаимное общеніе ихъ,—и тѣ отнюдь не отсутствуютъ въ этихъ первоначальныхъ религіозныхъ формахъ.

Наконецъ, мы можемъ открыть здѣсь даже зачатки истиннаго благочестія. Какъ у дѣтей, такъ и у первобытнаго человѣка, въ его отношеніи къ духамъ замѣчается колебаніе между страхомъ и фамиллярностью, но также и надежда и довѣріе, хотя они преимущественно имѣють въ виду матеріальныя блага, равно какъ и благодарность, хотя отчасти внушенная мыслью, что ее пужно выражать для того, чтобы не лишиться впередъ милости боговъ. Все это, конечно, только слабыя зародыши, которые должны въ дальнѣйшемъ развитіи

развернуться въ цвѣтокъ и принести плодъ. Тѣмъ не менѣе и здѣсь уже религія обладаетъ тѣмъ характеромъ, который свойственъ ей всюду, гдѣ она дѣйствительно живетъ, характеромъ благоговѣнія, поклоненія, которое не отступаетъ ни передъ какой жертвой, какъ бы она ни была тяжка, ревностно защищаетъ обожаемый предметъ, и мститъ за него, если его оскорбляютъ. Въ этихъ несовершенныхъ, слѣдовательно, и для насъ часто странныхъ и отталкивающихъ формахъ мы не должны просматривать истиннаго благочестія, которое въ нихъ скрывается.

Должны ли мы, спрашивается, сознавая высоту нашей религіи, стыдиться того низкаго начала, изъ котораго она вышла? Не должны ли мы, скорѣе, смотрѣть на это религіозное расположеніе какъ на доказательство высшаго происхожденія челоуѣка, какъ на доказательство того, что конечное бытіе имѣетъ причастіе къ безконечному и вѣчному? Мы могли бы въ такой же мѣрѣ стыдиться и того, что нѣкогда были безпомощными дѣтьми, и что всѣ мы, даже могущественнѣйшій монархъ и величайшій геній, только постепенно доросли до самосознанія и разумнаго мышленія. Кромѣ того, мы не должны забывать, что начало не одно и то же, что и происхожденіе. Религія, какъ и всякое челоуѣческое явленіе, точно такъ же управляется всеобъемлющимъ закономъ развитія—отъ низшаго къ высшему, отъ естественнаго къ духовному. Дерево должно быть сперва молодымъ деревцемъ, а деревце зерномъ; но въ этомъ зернѣ въ скрытомъ состояніи заключается уже величественное дерево, со всѣмъ его богатствомъ листвы и обиліемъ плодовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки